

На этом слова были исчерпаны, дальнейшие разговоры ни к чему не привели бы, и никто не хотел оставлять свежий шрам на этой едва зародившейся дружбе. Ци Цзяньсы, помолчав немного, сказал:

— Хорошо.

*

От Ворот Фэнтянь до дворца, где жил Се Шэньсин, ровно три тысячи пятьсот шестнадцать шагов.

Се Шэньсин должен был пройти церемонию совершеннолетия следующей весной, его резиденция строилась уже больше двух месяцев, но пока он временно проживал в своих прежних покоях во дворце. Сегодня он, неизвестно из-за чего разгневанный, под благовидным предлогом вызвал Нин Хуая, чтобы тот помог ему оценить некоторые украшения. Нин Хуай же подумал, что это снова попытка его помучить.

В зале спереди и сзади стояли по четыре служанки, а один маленький евнух, стоя на коленях перед столиком, растирал тушь. Чернила были одним из безделушек, которые император Юнькан недавно выделил из хранилища и пожаловал Се Шэньсину.

Се Шэньсин был увенчан тёмно-синей нефритовой короной, поверх нижней одежды наброшена меховая накидка с мягким и гладким мехом. Увидев, что Нин Хуай стоит, опустив голову, в нескольких шагах от него, он небрежно произнёс:

— Эрлан, почему стоишь так далеко? Боишься, что двоюродный брат тебя обидит?

Нин Хуай сделал несколько шагов вперёд и тихо ответил:

— Нет.

Кончиками пальцев Се Шэньсин постучал по столику:

— Давненько тебя не видел. Чем занимаешься?

Нин Хуай, уставившись в пол, ответил:

— Как обычно, читаю дома, изредка выхожу прогуляться.

— Ты всё же слишком послушный, — сказал он, словно между прочим, и тут же пнул того евнуха:

— Бестолковый, тащи же мою нефритовую шахматную доску, покажи второму господину.

— Нравится, Эрлан?

— Если нравится двоюродному брату, то и хорошо, — Нин Хуай, следуя его настроению, с трудом переделал «ваше высочество» на жёсткое «двоюродный брат».

Се Шэньсин, играя с миниатюрной шахматной доской, рассеянно произнёс:

— Забирай, подари кому-нибудь.

Сердце Нин Хуая ёкнуло:

— Двоюродный брат, не шути, у меня нет друзей, увлекающихся этим.

— Разве? — уголок губ Се Шэньсина приподнялся. — Тогда почему я слышал, что мой младший двоюродный брат в последнее время очень близко сошёлся со старшим сыном семьи Ци, а разве Ци Цзяньсы не мастер шахмат?

— Ваше высочество ошибаетесь, мы с господином Ци лишь слегка знакомы.

— Ладно. А как твой друг, служащий в Министерстве налогов, здоровье его поправилось? — Се Шэньсин резко сменил тему, перестав говорить о Ци Цзяньсы, но это ни на йоту не ослабило напряжение Нин Хуая.

— Благодарю ваше высочество за заботу, господин Лу всё ещё болен.

Цао Фучжун в конце концов был псом, мастерство подхалимства у него было сильнее, чем у кого бы то ни было. Держась вида преданного слуги императора Юнькана, он уже давно привёл своих щенков преклонить колени у ног Се Шэньсина и признать его господином.

— Эрлан, ты и сам не умён, ну ладно, но почему друзья у тебя такие глупые? Я смотрю, его болезнь ещё затянется надолго. Если ты скажешь слово, я найду кого-нибудь его проведать, как насчёт этого?

Нин Хуай глубоко вдохнул, длинные ресницы отбросили тень, и он чётко произнёс:

— Благодарю ваше высочество за милость. Во дворце много господ, ежедневные осмотры для поддержания здоровья и так занимают много времени, не стоит утруждать придворных лекарей.

В курильнице вился дым, а тот маленький евнух в какой-то момент исчез. Се Шэньсин пристально смотрел на Нин Хуая, глаза его были мрачны, костлявыми пальцами он сжал обнажённый участок его шеи, и в голосе прозвучала насмешка над самим собой:

— Иногда я действительно сомневаюсь, свой ли ты крови в роду Нин.

Нин Хуай, с перехваченным горлом, с трудом дышал, прерывисто позвал:

— Ваше высочество...

— Если ты не из рода Нин, то хотя бы по одним глазам никто не поверит. А если ты из рода Нин, то почему твоё сердце никогда не было со мной. — Се Шэньсин добавил ещё немного силы руке, взгляд утонул в наполненных слезами из-за затруднённого дыхания глазах Нин Хуая, и он тихо произнёс:

— Сяо Хуай, скажи своему брату Шэньсину, почему?

Нин Хуай с трудом выговорил:

— Двоюродный брат, мне очень плохо.

Се Шэньсин сделал вид, что не слышит, и лишь когда тёплая жидкость потекла из уголка глаза Нин Хуая, он отпустил руку. Нин Хуай начал сильно кашлять, а в ушах раздался голос Се Шэньсина:

— Возвращайся.

С плотно закрытыми глазами он ответил:

— Благодарю ваше высочество.

Нин Хуай, шатаясь, вышел из зала. Поджидавшая снаружи Сяо Тан, увидев шокирующие красные следы на шее молодого господина, в мгновение ока почувствовала, как сердце её упало. Она тут же накинула на Нин Хуая державшийся в руках плащ, пытаясь прикрыть эти яркие следы.

— Я хочу его навестить.

Сяо Тан вздрогнула всем телом, понизив голос:

— Молодой господин, сегодня нельзя, за нами же следят.

Нин Хуай тыльной стороной ладони стёр водяные следы на щеке и улыбнулся:

— Сяо Тан, я хочу его навестить.

Сяо Тан не смогла отказать.

Он мог лишь с тревогой следовать за Нин Хуаем, единственное, что оставалось, — это ускорить шаг. Видя, как молодой господин снова сворачивает в ту железную клетку, он обернулся — тот, кто должен был следовать за ними, почему-то исчез.

Нин Хуай бросился в объятия Се Шэньяня. Се Шэньянь, можно сказать, нежно погладил его по макушке, ожидая, когда же человек в его объятиях что-нибудь скажет.

— Не знаю, заметили ли его люди, но сегодня я просто хотел тебя увидеть, — глухо проговорил Нин Хуай.

Се Шэньянь долго молчал, ладонь его скользнула с макушки на затылок, Нин Хуай вскрикнул от боли, затем ладонь задержалась на спине, мягко успокаивая:

— Не волнуйся.

Нин Хуай высунул голову из его объятий и тихо произнёс:

— Брат Шэньянь...

Он лишь назвал его имя, но больше ничего не сказал. Се Шэньянь одной рукой крепко держал его в объятиях, освободил другую, чтобы аккуратно повернуть его лицо, а затем мягко, словно перо, коснулся его межбровья.

Нин Хуай не проронил ни слова, снова спрятал голову и крепко обнял человека перед собой. Он невероятно жаждал этой редкой нежности, в какой-то момент даже захотел, невзирая ни на что, остаться.

Но Нин Хуай знал, что в мире есть лишь мириады неуловимых мгновений, вечности же никогда не существовало.

*

Ветер шуршал оконными рамами, снег лежал белым-бело, во дворе в одиночестве сидел человек.

Лу Сяо, потирая глаза, вышел из внутренних покоев. Утренний свет лёг на землю, покрытую белым снегом, юноша медленно пристроился на коленях у молодого человека. Он, ещё сонный, прикрыл ладонью худощавое лицо, но не смог укрыться от мириад лучей утреннего света. Лу Сюэхань внимательно читал книгу, позволяя ему лежать у себя на коленях, не говоря ни слова.

Пустынный двор не становился шумнее от появления ещё одного человека, но Лу Сяо был вполне доволен такой тихой атмосферой. С детства он чувствовал, что Лу Сюэхань не любит близости с людьми, просто, имея при себе маленький комочек, вынужден был о нём заботиться. Однако, после стольких лет его настойчивости, Лу Сюэхань, кажется, тоже привык к тому, что рядом есть такой непоседливый человек.

Лу Сяо прижался щекой к его коленям и потёрся, словно ребёнок, который ластится и старается угодить. Лу Сюэхань закрыл книгу, спрятал руки в лёгкой меховой накидке и с чувством произнёс:

— Вечный ребёнок.

Затем он вновь вытянул два пальца, показывая:

— Когда я только подобрал тебя, ты был вот такого роста.

— А теперь я уже до тебя! — Лу Сяо, воодушевившись, приложил руку к бровям Лу Сюэханя. — Может, я ещё подрасту!

На лице Лу Сюэханя мелькнула полуулыбка, он не стал с ним спорить и сменил тему:

— Сяо, через несколько дней будет канун Нового года.

Когда Лу Сюэхань только подобрал его, здоровье Лу Сяо было очень слабым, и они довольно долго жили в городке на окраине Юньчжоу, позже они и вовсе прожили в том городке несколько лет. Пока Лу Сяо не исполнилось десять лет, Лу Сюэхань спросил его, не хочет ли он переехать в другое место, Лу Сяо ответил: «Хорошо, лишь бы с братом, можно где угодно». Так взрослый и ребёнок и прибыли в Чанъань, и в мгновение ока прошло целых девять лет.

Через несколько дней будет десятый год. В этом году канун Нового года, казалось, наступил раньше, чем обычно, он каждый день был заперт во дворе, не замечая течения времени, вот так и прошло. Лу Сяо подышал на ладони и, не намереваясь уходить от темы, сказал:

— Брат, я только что разжёл уголь в комнате, иди скорее погрей руки.

Выпроводив человека внутрь, Лу Сяо стрелой помчался за дом и начал обдумывать свою маленькую задумку.

Лу Сюэхань спокойно сидел у жаровни с углём, лёгкий аромат дерева и аромат камелии сливались воедино, когда с крыльца вдруг донёлся юношеский голос, торопливо звавший его выйти. Лу Сяо сверкал глазами, с трудом сдерживая улыбку:

— Сделай несколько шагов вперёд, а потом оглянись и посмотри.

На карнизах лежали красные шёлковые ленты, несколько больших красных фонарей висели на ветвях у края крыши, всё было украшено и сияло огнями. Человек, стоящий во дворе, имел ясные черты лица, он свободно обматывал оставшиеся красные ленты вокруг своих широких рукавов. Лу Сяо, изогнув губы в улыбке, сказал:

— Хотел повесить в ночь под Новый год, чтобы тебя порадовать. Раз уж сегодня заговорили об этом, то я просто достал их пораньше.